
К. А.

Воздух, полный вмятин,
птицей пал в окно.

Спят, ещё не спятив,
двое, как одно.

Ночью – трёпу таять,
накатила ткань.

Веры трепетанье
заглушает брань.

Хлюпанье дверное
рыбьего ребра.
Просто – на постое –
недобор добра.

Просто то и дело
ниже потолок,
но на то и тело
ловкое, как волк.

Жимолость – по краю,
кажимостью – речь,
вроде шёл в пекарню,
а приходишь в печь.

Чтения теченье
да письма дыра,
да порой вечерней
люстра, как сестра.

Нисходящий птичий
беглый белый свист,
почерк атипичный
да аптечный лист.

Тьмы больные темы
не раскрыты в нём,
но восходим те мы –
парой на паром.

Протравиться – это про траву:
про природу, а не про отраву.
Если я неправильно живу,
то живу неправильно по праву.

Нет тебя. Но мы с тобой молчим.
Твоему отсутствию я нужен –
в эпицентре женщин и мужчин,
мощных куч и липовых жемчужин.

Этому отсутствию пасиб,
что ещё себя я не истратил,
что в душе моей не голосит
серый писк сомнительной эстрады,

что солому жгу, а не стелю,
дабы на неё свалиться браво.
Если я неправильно люблю –
и на это я имею право.

К. А.

Я смотрел полёт щегла,
завершалась мгла.
Всё, что ты сейчас смогла,
ты сейчас – смогла.

Потому что я – на ты,
как и ты – на я.
И цветут для нас цветы
в поле бытия.

И когда ты подойдёшь
поцелуя для –
восхитительная дрожь
снизойдёт с нуля.

В доме пахнет горячей водой,
у которой есть выход и вход.
Пальцы пахнут тобой, но не той,
потому что и сам я – не тот.

Тяжело выдыхает земля,
зимний голос её нездоров,
мутно движутся пыли поля
по конвейеру серых ковров.

И сегодня седеет, как ртуть
протопившего сердца пера.
И заезжен заснеженный путь,
что уводит тебя во вчера.

Но пустеет волшебный колчан
снов, направленных в злую зарю.
Я ещё говорить не кончал,
но уже говорю, говорю...

И приметив в окно примитив
безлюбовной свердловской зимы,
отпускаю тебя в коллектив –
растворять в чуждом «я» наше «мы»,

ибо дальше уже не продлю
этот стихший до вечера стих.
Только ветви рисуют петлю
на деревьях, уставших от них.

Я тебя не люблю, но люблю.

Открываешь вот «толстый» журнал –
с тем ты квасил, а с этою спал.

Вспомнишь марево этих времён,
где заметно ты был затемнён.

Вспомнишь накипь обманчивых снов
и несносный весь бред наносной.

Дальше вспомнишь бабулю и мать,
и как Мишей хотели назвать.

И в конце – непорочную тишь
через прорезь прозренья узришь.

Попытка – это пытка, да,
свидетельствую: не пытайся
существовать вообще, когда
листва мертвеет в мокром танце.

Тем паче, если снег, как кокс,
крошится в прорве небосвода.
Свобода воли – парадокс,
ведь воля – это несвобода.

Сходи к сугробам на поклон,
покуда не обмякла лытка.

Клон клёна вышибает клён.
И – да – попытка – это пытка.

По лекалам скроена окраина
и линеен ливень по пути.
Всё, чем зренье было обокрадено,
выплатили сердцу во плоти.

Как крючок с назначенной наживкою,
ты един в сей местности гнедой
с каплюющей с капюшона жидкостью,
часто именуемой водой.

И никто здесь не сочтёт насилием
результат безмолвного труда:
слиться с нею болевым усилием
и отсюда слиться навсегда.